

ТАТАРОГСКИЙ ВѢСТНИКЪ

№ 177-й.

№ 177-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ

Телефонъ редакціи № 85.

Телефонъ типографіи № 85.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Годъ XXIII

Четвергъ, 8 іюля 1904 года.

Годъ XXIII

О кончинѣ А. П. Чехова.

Глубоко печальная вѣсть о кончинѣ Антона Чехова встрѣтила единодушный откликъ въ столичной печати.

Въ «Новомъ Времени» г. Энгельгардъ набрасываетъ такую характеристику почившаго художника слова,

Писатель вдумчивый, оригинальный, замѣчательный драматургъ, здушевный человѣкъ, тонкій юмористъ, глубокій психологъ, почти философъ въ своей рисовкѣ мелкой жизни, будней ея, писатель, особенный по техникѣ, часто миниатюристъ и живописецъ слова, какимъ былъ Мейсонье въ пластикѣ красокъ, и въ то же время возвышающійся до типовъ, поэтъ, проникновенный поэтъ. Въ лицѣ Антона Павловича Чехова русская литература утрачиваетъ нѣчто высоко цѣнное, рѣдкое—настоящаго художника, вполне владѣвшаго тайной искусства и пользовавшагося только тѣми средствами, которыя художественному творчеству свойственны. Ни тенденція, ни логическое глубоко-мысліе, ни ораторскій пафосъ, ничто не мутило чистый алмазъ его творчества, что такъ часто плѣняетъ и привлекаетъ толпу и принимается ею за искусство. Чеховъ даетъ жизнь въ своихъ созданіяхъ чудомъ рождаемаго слова, именно такъ, какъ давали ее наши русскіе классики—Тургеневъ, Гончаровъ, Гоголь. По объему картины, рисуемыя Чеховымъ, и могутъ уступать имъ, но не по выполненію. Онъ такой же художникъ, въ полномъ смыслѣ слова, какъ и они.

«Новости» отмѣчаютъ цѣнную черту въ творествѣ почившаго писателя.

Чеховъ удивительно тонко улавливалъ общенственное настроеніе и воспроизводилъ его въ своеобразной, но высоко художественной формѣ. Его пронизательный бесплощадный анализъ сосредоточился на изображеніи бездарности, глупости и пошлости російскаго обывателя, и Чеховъ безъ всякой прикрасы изображаетъ беспросвѣтное погрязаніе въ тинѣ будничной сѣренькой жизни.

Но, изображая эту жизнь, по-видимому, совершенно безстрастной кистью, Чеховъ, тѣмъ не менѣе, производитъ облагораживающее вліяніе на читателя, поселяя въ немъ глубокое отвращеніе ко всему мелкому и пошлому, вдохновляя его на борьбу съ призрачнымъ идеаломъ буржуазнаго благополучія.

Въ этомъ великая заслуга А. П., и общество вполне оцѣнило ее и сильно за это любило своего бытописателя.

А. П. Чеховъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ баловней судьбы среди писателей, значеніе которыхъ понято было при ихъ жизни. Онъ пользовался почетомъ, былъ осыпанъ отличіями, матеріально былъ обезпеченъ вполне.

Г. Боцяновскій въ «Руси» говоритъ, что у Чехова «сила вся души великая» ушла на изображеніе людей пошленькихъ, старыхъ, хмурыхъ, ихъ мелочныхъ интересовъ.

Галлерей его типовъ производитъ удручающее впечатлѣніе. Но въ этомъ не вина Чехова. Восемьдесятые годы, превратившіе русскую жизнь въ стоячее болото, затянувшіе паутиной все, что было сколько-нибудь живого,—не давали ничего другого, не давали мѣста для типовъ и картинъ иного склада. Чеховъ пробовалъ наводить свой микроскопъ въ разные слои этой эпохи. Напрасно его упрекаютъ въ односторонности наблюденій. Онъ заглядывалъ и въ низшіе, и въ высшіе слои общества, но и тѣ и другіе одинаково поражали его своей грубостью, пошлостью, мертвечиной. Чеховъ, какъ Діогенъ, тщетно искалъ человѣка. Онъ не нашелъ его ни среди грубыхъ, невѣжественныхъ мужиковъ, ни среди чиновниковъ, ни среди писателей и даже учителей жизни—профессоровъ. Вся жизнь,—жизнь неосмысленная, одного изъ такихъ профессоровъ представилась ему ни болѣе, ни менѣе, какъ скучной, старой исторіей. Повсюду онъ видѣлъ не столько людей, сколько футляры, въ которые эти люди прятались, видѣлъ вокругъ себя не жизнь, а, по выраженію Глѣба Успенскаго, такъ—«гнилье грибное»... Самъ онъ лучшими своими годами принадлежалъ къ этой эпохѣ, этому обществу.

Счастливый несчастливецъ! «Петербургская газета», выдвигая на первый планъ юморъ Чехова, почему-то считаетъ лучшими изъ произведеній писателя его первые рассказы, когда его юморъ не былъ заслоненъ пессимизмомъ, хотя попытки видѣть во всемъ «сѣренькую» жизнь уже начинали окрашивать грустью чеховскій юморъ.

Постепенно Чеховъ сдѣлался пѣвцомъ безвыходной тоски среднихъ людей, томящихся жаждой широкой жизни, но ничего не дѣлающихъ для осуществленія своихъ идеаловъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сгущалъ А. П. Чеховъ въ своихъ произведеніяхъ сумерки провинціальной неприглядности и безхарактерности.

Имя Чехова сдѣлалось синонимомъ пессимистическаго настроенія.

Среди чеховскихъ героевъ нѣтъ людей съ сильной, могучей энергіей—это всѣ нытики и «сѣрые», по своему настроенію, резонеры.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ своей болѣзни, А. П. Чеховъ всѣ свои рассказы позднѣйшаго періода выдерживалъ въ минорныхъ тонахъ.

Мы знаемъ «чеховское настроеніе», но не всегда помнимъ его героевъ. Вѣрнѣе, во всѣхъ произведеніяхъ Чехова одинъ герой подъ разными личинами—безысходный пессимизмъ.

«Листокъ» вполне солидаренъ съ газетой:

Между обильными произведеніями А. Чехова его мелкіе рассказы занимаютъ самое видное мѣсто. Въ нихъ все взято изъ дѣйствительной жизни, и русская жизнь изображается замѣчательно вѣрно.

Такихъ мелкихъ рассказовъ Чеховъ написалъ свыше 150, и всѣ они дышатъ жизненной правдой, причемъ въ юмористическихъ его рассказахъ сквозь «видимый міру смѣхъ—незримыя слезы». Вообще, веселаго въ этихъ рассказахъ мало, и общій тонъ ихъ мрачный и безнадежный; въ нихъ русская дѣйствительность изображается подъ видомъ «сѣраго пятна», какъ выражается одинъ изъ героевъ его рассказовъ.

Вѣрной и всесторонней оцѣнки Чехову придется еще долго ждать. И тогда будетъ ясно подъ вліяніемъ какой болѣзни «всѣ свои рассказы послѣдняго времени Чеховъ выдерживалъ въ минорныхъ тонахъ». Сынъ своего вѣка, онъ и болѣлъ его болѣзнями, какъ настоящий художникъ, какъ вѣрный носитель правды «въ сумеркахъ» нашей общественности.